

Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 646–667. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.219>

В статье рассматривается коллективная монография «1917 год: революция, государство, общество и Церковь», написанная известными российскими историками. По мнению автора настоящей рецензии, коллектив подготовил интересное и полезное исследование. Его характерными особенностями являются междисциплинарность, актуальность, переключки прошлого с настоящим, хорошая источниковая база, высокое качество текстов, прекрасное оформление. Серьезный недостаток книги — отсутствие историографии. Ни в одной главе нет оценки сделанного предшественниками. Отсутствие критического анализа существующей литературы по вопросам, изучаемым в монографии, не позволяет не только читателям, но и самим авторам адекватно оценить значение и новизну проведенного ими исследования. Особенно огорчает это в тех случаях, когда в литературе высказаны различные, иногда противоположные точки зрения. Например, относительно позиции епископата и духовенства по вопросам взаимоотношения Церкви и государства, восстановления патриаршества, свержения монархии и легитимации Временного правительства, роли Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. высказано несколько точек зрения. Продолжительное время и, вероятно, до сих пор большинство российских и зарубежных исследователей полагает, что в синодальный период Русская православная церковь превратилась в безгласное орудие в руках светского государства, безропотно выполняющая его волю, даже если это шло вразрез с ее духовным долгом и корпоративными интересами. Некоторые авторы коллективной монографии также придерживаются данной концепции, хотя в зарубежной и российской историографии высказана принципиально иная концепция (Г. Фриз, М. А. Бабкин, П. Г. Рогозный и др.). Книга, безусловно, выиграла бы, если бы ее авторы в открытой дискуссии защитили свои точки зрения и критически оценили концепции своих оппонентов.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., государство, общество, Русская православная церковь, позднеимперская Россия, Советский Союз.

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00353 «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование».

This research was supported by grant No. 20-09-00353 from Russian Foundation for Basic Research “The disintegration of the Soviet Union in the human dimension: an interdisciplinary study”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Church and State before and after the Russian Revolution of 1917

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Church and State before and after the Russian Revolution of 1917. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 646–667. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.219> (In Russian)

The article discusses the collective monograph “1917: revolution, state, society and the Church” written by well-known Russian historians. According to the author of this review, the team prepared an interesting and useful study. Its characteristic features are: interdisciplinarity, relevance, juxtaposition of the past with the present, good sources, high quality texts, good design. A serious drawback of the book is the lack of historiography. In all chapters there is no evaluation of the contributions made by the predecessors. The absence of a critical analysis of the existing literature on the issues studied in the monograph does not enable not only the readers but also the authors themselves to adequately assess the meaning and novelty of the study. This is especially distressing in those cases when different, sometimes opposing, points of view are expressed in the literature. For example, there have been expressed several opinions regarding the position of the episcopate and the clergy on the relationship between the Church and the state, the restoration of the patriarchate, the overthrow of the monarchy and the legitimization of the Provisional Government, the role of the Orthodox Church Council of 1917–1918. For a long time, and probably still, most Russian and foreign researchers have believed that during the synodal period the Russian Orthodox Church turned into a mute instrument in the hands of a secular state fulfilling its will submissively even if it was contrary to its spiritual duty and its corporate interests. Some authors of the collective monograph also adhere to this concept although a fundamentally different concept is expressed in foreign and Russian historiography (G. Freeze, M. A. Babkin, P. G. Rogozny, etc.). If the authors had defended their points of view in an open discussion and had critically evaluated the concepts of their opponents, the book would certainly have benefitted.

Keywords: Russian revolution of 1917, state, society, Russian Orthodox Church, late imperial Russia, Soviet Union.

Региональная общественная организация содействия сохранению национально-культурных ценностей «Русское богатство» совместно с Российской государственной библиотекой для молодежи подготовила серию юбилейных конференций и круглых столов. Доклады и итоги дискуссий на этих научных форумах были обобщены, переработаны и представлены в виде развернутых глав рецензируемой монографии «1917 год: революция, государство, общество и Церковь»¹, которую открывает напутственное «Слово митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря».

14 глав книги можно разделить на два блока — экономический и церковный. В первом представлены отдельные аспекты и особенности экономического развития накануне и после революции 1917 г., во втором — положение Русской православной церкви (РПЦ) с конца XIX в. до начала 1960-х гг.

Поскольку церковный блок — главный, и ему посвящены две трети общего объема книги, начну с него. Его открывает глава И. В. Лобановой «Высшее духовенство Православной Российской Церкви накануне Первой мировой войны в социально-

¹ 1917 год: революция, государство, общество и Церковь / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христов; сост., науч. ред. И. В. Поткина. М., 2019.

экономическом измерении». По наблюдениям исследователя, в начале XX в. в среде российской православной иерархии происходили количественные и качественные изменения. Епископат численно увеличился в 1,8 раза (со 100 в конце XIX в. до 177 в 1917 г.). Продолжилась тенденция к снижению среднего возраста епископов (в 1901 г. он составлял 59 лет, в 1909 г. — 54 года) благодаря целенаправленной кадровой политике Синода, отдававшей предпочтение высокообразованным монахам, причем нередко моложе 40 лет. Вывод подтверждается расчетами Я. Плампера, согласно которым средний возраст при хиротонии в епископы в 1871–1880 гг. равнялся 50 лет, в 1911–1917 гг. — 42 годам; средний возраст при отставке составлял соответственно, 63 и 62 года². Повысился и без того высокий уровень образования (в 1897 г. 86 % епископов имели академическое или университетское образование, в 1909 г. — 91 %).

В главе рассмотрен малоизученный в историографии вопрос о материальном обеспечении иерархов. По мнению И. В. Лобановой, оно продолжало оставаться во многих случаях недостаточным «по сравнению со светскими государственными чиновниками соответствующего ранга». Этот вывод кажется мне не в полной мере обоснованным. К сожалению, автор не указывает, каким чином гражданской службы соответствовали иерархи. В табели о рангах духовные чины отсутствовали. На основании общих титулов можно предположить, что митрополит мог соответствовать действительному тайному советнику или полному генералу, архиепископ — тайному советнику или генерал-лейтенанту, епархиальный епископ — действительному статскому советнику или генерал-майору (см. таблицу).

Общие титулы, гражданские и военные чины в начале XX в.

Титул иерархов	Духовный сан	Титул гражданских и военных генералов	Военный чин	Класс	Гражданский чин
Преосвященство	Викарный епископ	Превосходительство	Генерал-майор	I	Действительный статский советник
	Епархиальный епископ		Генерал-лейтенант	III	Тайный советник
Высокопреосвященство	Архиепископ	Высокопревосходительство	Полный генерал	II	Действительный тайный советник
	Митрополит		Генерал-фельдмаршал	I	Канцлер

Источники: Шенелев Л. Е. Отмененные истории: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 145, 150.

Сравним жалованье архиереев, гражданских и военных генералов. Согласно приведенным в главе данным, в 1913 г. 66 епархиальных архиереев получали из казны содержание на общую сумму 189 578 руб. — около 3 тыс. в год на одного. Из 70 викарных епископов 25 получали годовое содержание от 400 до 3575 руб.

² Plamper J. The Russian Orthodox Episcopate, 1721–1917: A Prosopography // Journal of Social History. 2000. Vol. 34, no. 1. P. 29.

в год, четверо — за службу ректорами духовных академий — 4 тыс. руб. Оставшиеся (41) содержались на средства своих епархий. По сведениям книги штатов Полного собрания законов Российской империи, действительный статский советник (4-й класс) в должности губернатора получал вместе со столовыми и квартирными — около 10–13 тыс. руб.³ Отсюда действительно следует, что архиереи испытывали огромную дискриминацию сравнительно с гражданскими губернаторами. Содержание губернаторов в среднем в 4,5 раза больше, чем епископов, в некоторых случаях — в 33 раза.

Однако такой вывод не учитывает несколько обстоятельств. Содержание губернаторов, как и других гражданских чиновников, кроме денежного жалованья, включало столовые и квартирные, превышавшие собственно денежное жалованье почти в два раза. Принципиально знать: содержание архиереев включало столовые и квартирные (натурой или деньгами) или нет? По-видимому, все-таки не включало, поскольку: 1) викарные епископы, будучи помощниками епархиальных, в должности ректора духовной академии получали по штату жалованье в 4 тыс. руб. — на треть больше своего начальника — епархиального епископа, что возможно только в том случае, если епархиальный епископ имел другие легальные доходы; 2) из казны выделялись особые суммы на содержание архиерейских домов, которые могли покрывать столовые и квартирные.

Большинство иерархов являлись либо настоятелями и заместителями лавр и первоклассных монастырей (в 1896 г. их насчитывалось 58), либо ректорами духовных академий (их было 4), либо в них преподавали в качестве профессоров. Благодаря этому иерархи имели второе жалованье, равное по крайней мере профессорскому: 3 тыс. руб. (как ординарный) и 2 тыс. руб. (как экстраординарный профессор). Добавим, что отдельно выделялись из казны средства на содержание членов и присутствующих Святейшего Синода — 10 иерархов ежегодно, что некоторые епархиальные архиереи имели добавочное содержание из специальных средств Святейшего Синода, из фондов своих епархий и от монастырей. Отсюда с большой вероятностью можно предположить, что содержание от казны, получаемое архиереями, дополнялось другими доходами. Годовое содержание викарного епископа от казны составляло 400 руб. и было меньше жалованья (вместе со столовыми и квартирными) чиновника низшего XIV класса на гражданской службе. Получать такое жалованье — было бы чрезвычайно унижительным для архиереев. И светские власти этого допустить не могли.

В данном случае уместно вспомнить ситуацию с доходами военных генералов (и вообще всех офицеров) царской армии. Их жалованье *по штату* было в 2 раза ниже, чем гражданских генералов одного с ними ранга. Однако реальные доходы офицеров от службы были больше благодаря тому, что они получали дополнительные деньги: прогонные, порционные, суточные, походные, лагерные и т. п., а также теневые доходы, точно учесть которые было невозможно, но о которых правительству было хорошо известно, и это не осуждалось. В армии командиры подразделений, начиная с командира роты (но не только), имевшие самостоятельные хозяйственные функции (покупка лошадей, продовольствия, строительство казарм, устройство на работу солдат в частный сектор и т. п.), получали неофициальные

³ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд. СПб., 2018. Т. 3. С. 212, 227.

доходы, называемые «безгрешными доходами», за счет того, что выгадывали на всякого рода военно-хозяйственных операциях⁴.

Предполагаю, что нечто подобное существовало и в среде высшего духовенства, о чем мы не знаем и, вероятно, никогда точно не узнаем, поэтому к жалобам иерархов на тяжелое материальное положение следует относиться осторожно. Например, архиепископ Херсонский и Одесский Никанор писал в 1887 г., что получает жалованье 93 руб. в месяц: «Это, говорят, жалованье сенаторское, по учреждению своему современное чуть не Петру I-му и учреждению Синода и Сената. Может быть, раньше это и было крупной суммой, но теперь ее хватает только на карманные расходы» (с. 114–115). Однако 93 руб. в месяц — это 1116 руб. в год, то есть шестикратная годовая зарплата рабочего или денежная часть жалованья генерал-майора идет только на карманные расходы одного человека. Значит, были и другие более существенные доходы для покрытия некарманных расходов. Характерно, что вообще все православное духовенство постоянно жаловалось на бедность. Однако, как показывают расчеты, уровень жизни белого духовенства в течение XVIII — начала XX в. повышался. Если учесть все виды доходов (государственное жалованье, оплата треб, земельная и квартирная помощь прихода), то окажется, что доходы духовенства в период империи увеличились примерно в 7 раз — главным образом за счет государственной дотации, возросшей в 14 раз за 1842–1913 гг. В начале XX в. по уровню жизни священники приблизились к чиновникам и обер-офицерам XII–XIII классов. В основном священнослужителей не устраивало то, что бóльшую часть доходов они получали за счет треб — духовенство считало это унижительным. Оно хотело и просило правительство взять его на полное обеспечение⁵.

Никоим образом не претендую на решение вопроса о материальном положении иерархов. Его изучение следует продолжить. То, что И. В. Лобанова этот вопрос поставила, следует считать заслугой автора. Не стоит требовать каких-то дополнительных сведений и расчетов, потому что каждая цифра и каждый факт требуют значительной работы. Однако вполне возможно было учесть некоторые важные опубликованные работы, в частности интереснейшую статью немецкого историка Я. Плампера, опубликованную еще в 2000 г. «Русский православный епископат, 1721–1917: Просопография»⁶. В ней дан анализ социально-демографического профиля епископата почти за 200 лет.

Статья Плампера содержит много информации, могущей быть полезной также при анализе идеологии и поведения архиереев в конце XIX — начале XX в., чему посвящена вторая большая глава И. В. Лобановой в монографии — «Восстановление патриаршества в России». Я. Плампер, например, указывает, что на Западе до середины XIX в. в католических странах епископы происходили преимущественно из дворянства, после — из среднего класса. Среди российских епископов выходцы из дворянства преобладали до 1730-х гг. Затем их происхождение диверсифицировалось: епископами нередко становились купцы, мещане, крестьяне, церковнослужители. Начиная с 1750-х гг. бóльшая часть архиереев происходила из белого духовенства. В 1901–1917 гг. в епископы было рукоположено 70 человек, среди которых

⁴ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 212, 227.

⁵ Миронов Б. Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1. С. 65–80.

⁶ Plamper J. The Russian Orthodox Episcopate... P. 5–34.

происходили из священнослужителей — 65,7 %, из церковнослужителей — 14,3 %, из дворянства и городского сословия — по 5,7 %, из крестьян — 4,3 %, из чиновников 2,9 %, из военных-недворян — 1,4 %. Эти данные свидетельствуют о том, что существовали возможности для выходцев из белого духовенства и непривилегированных сословий сделать блестящую карьеру в церкви.

Глава «Восстановление патриаршества в России» состоит из двух органически связанных частей. В первой рассматривается предыстория вопроса, во второй — собственно восстановление патриаршества. Центральное место в первой части занимает анализ отношения русских архиереев к институту патриаршества и перспективе его восстановления. Источниками для него послужили ответы более чем 70 епархиальных архиереев на вопросы, составленные в июле 1905 г. Синодом. Полученные сведения дважды публиковались⁷, к ним неоднократно обращались исследователи, но И. В. Лобанова впервые подвергла их сплошному анализу. Она анализирует отзывы традиционным способом — каждый по отдельности. Индивидуальный анализ, на мой взгляд, уместно дополнить контент-анализом, который позволил бы более четко выявить и оценить факты и тенденции, заключенные в отзывах, а также получить статистическое распределение мнений архиереев по главным церковным вопросам.

Анализ привел автора к выводу, что до Первой русской революции практически все архиереи сознавали необходимость преобразования существующей системы церковно-государственных отношений, созыва собора и восстановления патриаршества. Под влиянием Первой русской революции у многих архиереев возникли опасения, что церковная реформа в условиях обновленческого движения в среде рядового духовенства и мирян может принять нежелательный и слишком радикальный характер. Исчез и консенсус относительно восстановления патриаршества. Среди архиереев осталось несколько активных и убежденных сторонников этого института, связывающих с его восстановлением религиозное возрождение России. Однако большинство, несмотря на свое положительное отношение к реформе высшего церковного управления, не считало восстановление патриаршества основным и непременным условием возрождения церковной жизни — что советская эпоха убедительно доказала.

Епископы не были единодушны и в том, что реформированное высшее церковное управление должен возглавить патриарх. Они также расходились в своем отношении к общественному мнению как фактору давления на правящие сферы. По утверждению И. В. Лобановой, епископы оставляли окончательное решение вопроса о реформе на усмотрение высочайшей власти, но не потому, что считали императора верховным судьей в церковных вопросах, а потому что в принципе исключали для себя возможность открытого конфликта с государственной властью. К тому же 200 лет синодальной системы убедили архиереев в том, что церковь может существовать без патриарха. Но самое важное: многие иерархи осознали, что спасительная сила церкви не зависит напрямую от внешних форм ее устройства и что слишком ревностное увлечение внешними формами чревато потерей более важного внутреннего содержания. Все это удерживало их от борьбы за восстановление патриаршества любой ценой. Словом, можно говорить о весьма умеренном

⁷ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 3 ч. СПб., 1906; Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. М., 2004.

недовольстве иерархов, неготовых к каким-либо оппозиционным действиям. Поскольку созыв Поместного собора и восстановление патриаршества не находили сочувствия и в правящих кругах, решение вопроса о церковной реформе само собой было отложено — как оказалось, до следующей революции.

Революция 1917 г. развязала руки иерархам. Теперь они могли проводить реформы, не входя в конфликт ни с монархом, который был отстранен от власти, ни с новой государственной властью, которая поддерживала автономию церкви. Антицерковная позиция Временного правительства в сфере образования и имущественных отношений превратила дискуссионный вопрос о церковной реформе и восстановлении патриаршества в остро актуальный. Он стал рассматриваться на Поместном соборе как средство консолидации церковного общества. Драматическая предыстория соборного решения о восстановлении патриаршества обстоятельно освещена в главе. По мнению ее автора, решение о восстановлении патриаршества «оказалось поистине судьбоносным. Роль первого — после двухсотлетнего перерыва — патриарха в деле сохранения церковного единства и жизнеспособной церковной организации трудно переоценить. Дальнейшая история подтвердила справедливость и действенность установленного канонами устройства высшего церковного управления» (с. 254).

И. В. Лобанова в основном придерживается классической точки зрения, поскольку полагает, что «упразднение патриаршества Петром I и фактическое превращение российской церкви в часть государственного аппарата сильно сократили властные полномочия высшего духовенства, и это на протяжении всего синодального периода служило для него источником недовольства». Однако недовольство не могло мобилизовать епископат на борьбу за восстановление прав, потому что «иерархия православной церкви не была реальной силой в Российской империи. Архиереи могли лишь заявить о своем недовольстве синодальным строем, но не могли самостоятельно без санкции власти съехать на собор и выбрать патриарха. В связи с этим становится понятной та пассивность, которую демонстрировал епископат на всем протяжении синодального периода, которая осталась наиболее характерной чертой поведения большинства епископата в последнее предреволюционное десятилетие» (с. 246).

Один из вдохновителей проекта А. Н. Сахаров⁸ в главе «А. В. Карташёв и восстановление патриаршества в России» охарактеризовал роль, которую сыграл в утверждении независимости Церкви известный богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Бестужевских курсов А. В. Карташёв. Он вошел в историю церкви как последний обер-прокурор Синода и первый и единственный министр исповеданий Временного правительства. Именно он подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу полноты церковной власти Поместному собору 1917–1918 гг. В своей деятельности он руководствовался идеей восстановления патриаршества и установления «свободного, соборного самоуправления». Деятельность Карташёва рассмотрена в контексте бурных событий 1917–1918 гг.

---

⁸ Заслуживает упоминания тот факт, что А. Н. Сахаров познакомил нашу аудиторию с огромным двухтомным трудом А. В. Карташёва «Очерки по истории Русской Церкви», изданным в Париже в 1959 г.

В главе «Православная Российская Церковь в восприятии отечественных историков в первые послереволюционные годы» Л. А. Сидорова, опираясь на эгодокументы (письма и дневники) показывает, что представители «старой школы» (на примере М. М. Богословского, С. Б. Веселовского и И. М. Гревса) и новое поколение «красных профессоров» (на примере С. А. Пионтовского и М. В. Нечкиной) в своем отношении к религии, церкви и духовным основам жизни общества были антагонистами. Первые считали, что церковь и христианство создают нравственные основы существования общества, и в демократических переменах в церковной жизни видели одну из предпосылок для преодоления негативных последствий революции 1917 г. и Гражданской войны. Вторые утрачивали прививавшиеся им с детства религиозные основы, их заменяла революционная мораль. Вопросы духовной жизни при этом считались вторичными, обусловленными исключительно практикой материального переустройства жизни. 5 декабря 1931 г., в день разрушения храма Христа Спасителя в Москве, М. В. Нечкина оставила дневниковую запись: «Начали взрывать храм — замечательно».

Глава «Биография Патриарха Тихона: новые источники и интерпретации» подготовлена В. С. Христофоровым на основе исторических документов Центрального архива ФСБ России. В ней рассматриваются ключевые моменты жестокого уголовного преследования и кампании по дискредитации патриарха Тихона, оценивается политика по изъятию церковных ценностей, характеризуются события и факты церковной жизни в период гонений, раскрывается характер взаимодействия между церковными группами, их отношение к политике, проводимой Советским государством. Особое внимание уделено объяснению того, почему патриарх пошел на сделку с советской властью. Автор показывает, что уступки, сделанные патриархом под колоссальным давлением, свидетельствуют не о том, что Тихон был сломлен. Они были продиктованы желанием Тихона спасти Церковь, пониманием того, что дальнейшее сопротивление приведет к тяжелейшим последствиям для нее. Тем, кто позднее упрекал патриарха в соглашательстве с советской властью, он отвечал: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы церкви была польза» (с. 341). Как показала дальнейшая история, патриарх Тихон оказался прав.

Глава «Агитационная кампания советской власти против патриарха Тихона в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г.» написана кандидатом философских наук и кандидатом богословия священником Сергием Ивановым. Автор предлагает развернутую характеристику советской агиткампании 1922 г., направленной на дискредитацию позиции патриарха в вопросе принудительной конфискации государственными органами церковных ценностей под лозунгом помощи голодающим Поволжья. По его мнению, агитационно-пропагандистские кампании служили главной формой общения большевиков с верующими и в целом с населением страны, а кампания против Тихона, являя типичный образчик подобных акций, помогает понять, как они проводились и какими средствами большевики побеждали. Кампания продемонстрировала «впечатляющий уровень безнравственности как организаторов, так и исполнителей — ангажированных журналистов». Кампанию провели в соответствии с планом В. И. Ленина, изложенном в его письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г., — максимально быстро, жестоко и энергично. Была поставлена сугубо финансовая цель — наполнить золотой фонд Гохрана драгоценностями, имевшимися в государственных и религиозных учреж-

дениях. Изъятые церковные ценности были использованы не для поддержки годовных, как публично декларировалось, а исключительно для «государственной работы» и «хозяйственного строительства». Анализ новых архивных источников из Российского государственного архива экономики позволил автору убедительно доказать три тезиса: кампания носила заказной, провокационный характер и контролировалась комиссией Л. Д. Троцкого; патриаршая оценка экспроприации как святотатства являлась правомерной, а выдвинутые против нее в средствах массовой информации аргументы несостоятельны; патриарх получил поддержку со стороны большинства духовенства и мирян, обоснованно не доверявших обещаниям правительства. Особое внимание уделено личным качествам Тихона, который, несмотря на оказанное на него изошренное давление официальных средств информации, мужественно и убедительно отстаивал церковную точку зрения в защиту православных святых.

Гонениям на Церковь посвящена также глава О. Л. Миловой «Преследования православного духовенства и мирян в СССР в 1920–1930-е гг.». Автор приводит ужасающую статистику гонений. В первое десятилетие советской власти было закрыто до 50 тыс. церквей и часовен, вследствие чего на начало 1928 г. на территории РСФСР осталось 28 560 действовавших приходов. В последующее годы эта политика продолжилась. В результате к 1939 г. РПЦ как организационная структура была практически разгромлена. На территории РСФСР работало не более 100 храмов; епархий не было; на свободе оставалось лишь четыре епископа. Закрытия храмов в равной степени коснулись всех вероисповеданий. Например, к 1939 г. в стране сохранились лишь два действующих католических храма — в Москве и Ленинграде. Параллельно проходили массовые репрессии против духовенства. В 1928–1936 гг. было репрессировано 40 тыс. священников, в 1937–1939 гг. — около 160 тыс. В 1937 г. расстреляли около 60 архиереев, арестовали 150 тыс. священников, из которых 80 тыс. расстреляли. Основываясь на уникальном комплексе источников личного происхождения и делопроизводственной документации фонда «Помощь политическим заключенным», автор наполняет статистику репрессий конкретным содержанием. Индивидуальные истории рассказывают о поводах для арестов, о тяготах повседневной жизни ссыльных и их семей, о технологии репрессий против сельского духовенства и приходского актива (усиление налогообложения их хозяйств, распродажа скота, продуктов, домашнего имущества в счет задолженности по налогам, лишение жилья и, наконец, аресты, заключение, ссылки).

На мой взгляд, хотя бы несколько абзацев в конце главы, посвященных катакомбной церкви, которая в ответ на усиление репрессий росла⁹, были бы вполне уместны. Катакомбная церковь, как луч света в темном царстве, свидетельствовала о том, что репрессии не сломили верующих.

И. Ю. Бережанская в главе «Социалистические сионистские организации в период антирелигиозной кампании в Советской России 1920-х гг.» дает еще один вопиющий пример антирелигиозной политики государства, в жернова которой под надуманным предлогом попала еврейская общественность. На основе новых документов из отечественных и зарубежных архивов автор анализирует деятель-

⁹ Краткую справку и библиографию катакомбной церкви см.: Шкаровский М. В. Катакомбное движение // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 13. М., 2009. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2051611 (дата обращения: 10.11.2019).

ность социалистических сионистских организаций в 1920-х гг. и не находит в ней ничего антисоветского и антисоциалистического. По ее подсчетам, летом и осенью 1917 г. сионисты основали 39 периодических изданий на идише, десять — на иврите, три — на русском языке и создали сеть учебных заведений (около 250), где языком преподавания был иврит и где изучалась Библия. В 1922–1924 гг. они основали несколько влиятельных молодежных и детских организаций: Единую всероссийскую организацию сионистской молодежи (ЕВОСМ), «Гашомер Гацоир», «Югенд Фербанд», Еврейский союз социалистической молодежи (ЕССМ). Особенности этих организаций состояли в том, что, во-первых, они ставили своей целью не только формирование еврейской нации и создание еврейского государства, но и решение социальных проблем и, во-вторых, изучение Библии оставалось одним из предметов учебной программы. Что и послужило предлогом гонений со стороны советской власти — вышеназванные организации стали жертвами антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. Аресты и высылки, а также стремление властей вытеснить сионистские партии с политической арены привели к массовой эмиграции российских евреев в Палестину, где они попытались реализовать культурно-образовательные программы, планы которых были намечены еще в России.

Историю Церкви в послевоенный период, при И. Сталине и Н. Хрущеве, исследует И. А. Курляндский в главе «Патриарх Алексей I при Сталине, 1945–1953 гг.». Автор особое внимание уделил борьбе патриарха за укрепление позиций РПЦ. Среди его наиболее значимых достижений отмечаются: возвращение Троице-Сергиевой лавры; обретение мощей митрополита Алексия, князя Даниила Московского, преподобного Сергия Радонежского; создание пенсионного фонда для духовенства; ограничение самостоятельности епископата в ответ на просьбы верующей паствы; противодействие администрированию советских властей на местах. И. А. Курляндский указывает на сложность положения патриарха, вынужденного маневрировать между лояльностью к атеистической государственной политике и необходимостью укрепления или по крайней мере сохранения позиций Церкви. Платой за возможность существования в рамках советской системы стало ее участие в формировании сталинского культа и в прославлении советского строя как самого демократического и справедливого. Духовенство РПЦ, как и других конфессий, в проповедях и публичных выступлениях агитировало верующих за производительный труд ради выполнения народно-хозяйственных планов; побуждало их участвовать в выборах и подписываться на государственные займы. РПЦ, считает автор, «служила дополнительным источником легитимации советского режима как внутри страны, так и на международной арене». Ее структуры (как и других церквей) стали использоваться светскими властями для воздействия на население внутри страны и для решения геополитических задач во внешней политике.

Вместе с тем И. А. Курляндский не соглашается с распространенной в современной историографии точкой зрения, что положение Русской православной церкви вполне удовлетворяло патриарха. По его мнению, Алексей I, как и Тихон, пошел на компромисс с властями исключительно ради сохранения РПЦ в надежде на лучшие для верующих времена и, следует сказать, в долгосрочном прогнозе оказался прав. Алексей не уставал вести борьбу за церковные интересы, за сохранение и расширение вырванных войной и послевоенными геополитическими расчетами сталинского руководства уступок властей, неизменно ходатайствовал перед ними

о расширении объема этих уступок (в том, что касалось открытия храмов, расширения сети духовных учебных заведений, ослабления налогового бремени, издательской деятельности и т. д.).

В главе «Теория хозяйства в русской религиозной мысли, конец XIX — начало XX в.» И. Н. Шапкин дает глубокий анализ концепций В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, П. Н. Савицкого, Н. Ф. Федорова и В. Ф. Эрн, касающихся сущности, форм, методов, мотивов хозяйственной деятельности человека, направлений и перспектив развития национальной экономики, проблем собственности, ответственности людей, взаимосвязи духовной и материальной культуры в рамках религиозной философии хозяйства.

Принципиальные идеи русских философов относительно экономической деятельности можно сформулировать следующим образом.

1. Экономика должна быть централизованной и управляться государством. В хозяйственной деятельности труженикам необходимо создать возможности для проявления самостоятельности, инициативы, творчества и в известной мере поощрять индивидуализм (П. А. Флоренский).

2. Государство обязано способствовать осуществлению синтеза экономики и нравственности и выполнять роль своеобразного хранителя этических идеалов (В. С. Соловьев).

3. Экономика должна строиться на принципе общего блага, а не прибыли. Человек должен трудиться, принимая за основу общепольность своего труда, а не собственный корыстный или какой-либо иной интерес. (В. С. Соловьев, П. Н. Савицкий).

4. Собственность мешает свободе, поэтому с ней нужно расстаться, чтобы быть свободным (В. Ф. Эрн).

5. Без любви к природе нравственная организация хозяйственной деятельности невозможна. Необходимо не только эксплуатировать природу, но также ухаживать за ней и для себя, и для нее. (В. С. Соловьев).

6. Экономика должна строиться на принципах рачительного и бережного отношения к богатствам страны, полезным ископаемым, человеческому капиталу и управленческим кадрам. Забота о людях, сохранение и развитие творческих личностей должны стать важнейшей государственной задачей (П. А. Флоренский).

7. Безвозмездный добровольный труд имеет огромное преимущество перед оплачиваемым наемным трудом. Однако как уклонение от труда, так и чрезмерное обременение, даже добровольное, в равной степени опасны для человека (С. Н. Булгаков, Н. Ф. Федоров).

При всех различиях в трактовках «хозяйства», «хозяйина» и особенно собственности можно констатировать, что русские религиозные мыслители обосновывали идеал некапиталистической экономики, в рамках которой экономические категории — рынок, прибыль, доходы и др. — приобретают нравственно-государственный характер; хозяйствование становится формой существования культуры и духовности. Принцип «Экономика должна быть экономной» заменен на «Экономика должна быть моральной».

На мой взгляд, многие идеи, выдвинутые религиозными философами, созвучны с принципами так называемой моральной экономики. На них, в частности, строилось общинное хозяйствование русских крестьян. Русская крестьянская община,

в особенности XVIII — первой половины XIX в., хорошо описывается в категориях «моральная экономика», которые используются исследователями для анализа традиционных экономик, в том числе европейского крестьянства в доиндустриальную эпоху. В идеальной моральной экономике производственные отношения основаны на морали, в Европе — на христианской; хозяйство — натуральное; производство ведется ради удовлетворения необходимых потребительских нужд; получение прибыли считается грехом; бедность пороком не считается; коллективная трудовая деятельность должна иметь нулевую прибыль, ибо, если кто-то получает прибыль, значит кто-то остается в убытке; имущественная дифференциация — минимальна. Эти принципы соответствовали сложившейся социальной структуре, духовной культуре, отражали взаимосвязь принципов производительной организации труда в русской общинной деревне¹⁰.

Полагаю, что идеи русских философов созвучны и атеистическим марксистским идеям о социализме и коммунизме. Социально-экономический строй Советского Союза во многом строился на тех же идеях. Многие социальные исследователи считают, что строй оказался нежизнеспособным. Однако в современной экономике западных стран многие идеи, выдвинутые русскими религиозными философами, также нашли практическое воплощение. Например, так называемое социальное государство, или государство всеобщего благосостояния (благоденствия), строится на принципах государственного вмешательства в экономику, равенства возможностей, обеспечения основных прав человека, распределения доходов в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, общественной ответственности за тех, кто не может обеспечить себе минимальные условия достойного уровня жизни. Под понятие «социальное государство» подходят страны с различными формами экономической и социальной организации. Но везде осуществляется перераспределение доходов (с помощью прогрессивного налогообложения), благодаря чему все граждане в качестве бесплатных услуг имеют возможность получить среднее (нередко и высшее) образование, медицинское обслуживание, а социально уязвимые слои населения получают адресные программы социальной помощи. Считается, что в максимальной степени социальному государству соответствует скандинавская (шведская, североевропейская) модель, называемая также «скандинавским социализмом», которой придерживаются Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия¹¹. Как видим, экономические воззрения представителей русской религиозной мысли даже спустя 100 лет после их артикуляции не потеряли своей актуальности.

Идеи, высказанные И. Н. Шапкиным, имеют прямое отношение также и к экономическому блоку, к обзору которого я перехожу. В нем центральное место занимает глава «Экономика, шпионаж, война, революция...», написанная А. И. Агеевым, генеральным директором Института экономических стратегий. Автор изучает роль экономической экспансии, экономических интересов и тайной разведывательной деятельности Германии (главным образом в России) накануне и во время

¹⁰ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. С. 183.

¹¹ Косаренко. Н. Н. Социальное государство: политические, правовые и социально-экономические факторы. М., 2016; Храмцов А. Ф. Социальное государство: Россия и европейский опыт. М., 2005.

Первой мировой войны. Этот текст представляет большой интерес для историков, изучающих Российскую революцию 1917 г.

А. И. Агеев тщательно анализирует различные формы шпионажа и главные операции по внутривластной дестабилизации России. Он обнаружил, что еще в предвоенный период немецкая экономическая разведка действовала под маркой торгово-промышленных фирм. В России, как и во Франции, Великобритании, Соединенных Штатах, была создана обширная сеть германской агентуры, пронизывающая все слои общества. В частности, в России к началу войны «не было ни одной области промышленности, где бы немецкий капитал и руководящие им лица не играли бы выдающейся роли» (с. 35). По мере перерастания блицкрига в войну на истощение возрастала роль экономической и политической разведки и потребность в применении нетривиальных технологий борьбы. Ставка была сделана на внутривластную дестабилизацию противника за счет поддержки сил, готовых трансформировать свои политические претензии в государственный переворот и гражданскую войну. Особое значение для экономического и политического шпионажа и ослабления стратегической мощи страны имела немецкая агентура в высших правительственных и военных учреждениях России. Всплески сплетен, слухов и взаимных обвинений сопровождали практически всю войну. А. И. Агеев полагает, что дезинформационные операции «Распутин» и «Мясоедов» сыграли исключительную роль в формировании массовых негативных установок в отношении официальных властей. Но «жемчужиной подрывной работы германской разведки» он считает операцию с провоцированием заговора и революции (с. 48). Операция основывалась на выводах немецкой разведки, что «военный потенциал России еще силен, но пораженческие настроения усиливаются». В дестабилизации и двухактной смене политического режима в России свою роль сыграли целенаправленные подрывные операции не только противника, но и союзников. Они стали беспрецедентными военно-политическими диверсиями. Эти тайные операции имели колоссальные экономические и геополитические последствия — расшатывание режима, выведение России из войны, подготовка российской революции и провоцирование войны гражданской. Разработкой плана операции руководил непосредственно начальник германской разведки В. Николаи, одобрил «широкую политическую операцию на Востоке» начальник генерального штаба Э. Людендорф. Он впоследствии признавался: «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог» (с. 49).

А. И. Агеев продемонстрировал, что тщательно спланированная и успешно проведенная немецкой разведкой работа по дестабилизации российского тыла отнюдь не сводилась к «пломбированному вагону» и «немецкому золоту». Она была многосторонней и разнообразной и благодаря этому сыграла важную роль внешнего фактора в российской революции 1917 г. Сторонников такого подхода их оппоненты нередко называют приверженцами конспирологической теории заговора, которая в российской марксистской историографии априорно считалась несостоятельной, поскольку парадигма о главенствующей роли внутренних факторов была в ней ключевой. По этой причине, на мой взгляд, у многих историков теория заговора имеет негативные, эмоционально окрашенные коннотации, вызывает подо-

зрения и по законам когнитивного диссонанса отвергается. Подобными негативными смыслами и эмоциями наделены и другие понятия из имперской эпохи — «царь», «царский режим», «поп», «самодержавие», «буржуазия», «помещик», «либерал», «кулак». Думается, что в происхождении крупных политических событий в большинстве случаев внутренние факторы действительно имеют доминирующее значение. Однако это не исключает, что внешние факторы в некоторых ситуациях становятся главенствующими.

Большой интерес представляет глава И. В. Поткиной «Внешнеторговая деятельность России: вызовы военного времени, 1914–1917 гг.». Автор показала, что в международном аспекте макроэкономические показатели внешнеторговой деятельности России на рубеже XIX и XX вв. были весьма успешными. По росту ее объемов Россия уступала только Германии и США. Однако с началом Первой мировой войны впечатляющие успехи российской внешней торговли мгновенно померкли, и произошло это по двум причинам. Во-первых, помимо Германии, на Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию, которые воевали на стороне Германии, и Сербию, оккупированную войсками Тройственного союза, приходилась почти половина внешнеторгового оборота (в 1908–1913 гг. — 47% вывоза и 46% ввоза). Во-вторых, более 2/3 общего объема товарооборота осуществлялось морскими перевозками, главным образом через Балтийское и Черное моря, которые с началом войны были блокированы, соответственно, Германией и Турцией. Россия могла вести торговлю только по второстепенным маршрутам через Архангельск и Белое море. Однако на севере транспортная инфраструктура была очень слабо развита и в условиях войны не могла оперативно взять на себя все прежние объемы грузооборота южно-балтийского маршрута. К Архангельску вели гужевая и узкоколейная железная дороги, причем последнюю технически переоснастили лишь к январю 1916 г. И. В. Поткина справедливо замечает: «Первая мировая война выявила насущную необходимость диверсификации и сбалансированности экспортно-импортных операций по европейской и азиатской границам, странам и изделиям, чтобы максимально обеспечить экономическую безопасность страны от воздействия внешних факторов и угроз» (с. 107).

Сделано интересное наблюдение: в период войны худшие показатели внешняя торговля продемонстрировала в 1917 г., когда к власти пришло Временное правительство, члены которого, будучи в оппозиции, резко критиковали царскую власть за неэффективную внешнеэкономическую политику. Это подтверждает правильность точки зрения, в соответствии с которой именно бездарная политика Временного правительства привела Россию к экономическому коллапсу¹².

Хорошо известно о внешних займах Российской империи — к началу Первой мировой войны они достигли 4,2 млрд руб. Но мало известно, что Россия и сама время от времени кредитовала правительства отдельных стран. Этот сюжет изучается А. В. Бутровым в главе «Внешние займы от Российской империи, или когда Россия — кредитор». Первые займы Россия предоставила, как ни странно, Франции и Англии в 1847 г. По мнению автора, «такая синхронная по времени покуп-

¹² Миронов Б. Н.: 1) Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 3. С. 463–480; 2) Динамика российской промышленности и транспорта в 1913–1920 гг. // Экономическая история. 2017. № 3 (38). С. 9–30; 3) Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 693–716.

ка как французских, так и британских ценных бумаг может обнаруживать проявление некоего системного подхода, связанного с изменением дотоле однозначной роли России как страны-заемщика. Россия стремилась позиционировать себя и как страна-кредитор, причем для первостепенных европейских держав» (с. 59). Но сохранить роль кредитора на Западе Петербург не смог — для проведения такой политики в стране отсутствовали ссудные капиталы. В условиях бюджетных дефицитов и большой потребности средств на строительство железных дорог Россия стала активно занимать деньги у развитых европейских стран.

Однако желание кредитовать осталось, и оно было реализовано в Сербии, Болгарии, Персии, Греции и Китае. В главе в деталях исследована история этих займов. Автор приходит к выводу, что кредиты были обусловлены не экономическими, а политическими соображениями и оказались неэффективными, не оправдав ожиданий. Только в случае с займами Персией в 1900 и 1902 гг. Россия получила некоторые экономические дивиденды, усилив свои экономические позиции в этой стране. После нескольких неудачных попыток пришло осознание, что практика привлечения политических союзников в обмен на займы в конечном счете не решает поставленных целей, и участие в реализации зарубежных займов прекратилось. К сожалению, этот отвергнутый царским правительством опыт не послужил уроком для СССР — миллиарды долларов были фактически подарены ненадежным союзникам.

В экономическом блоке присутствует еще одна глава — Л.Г.Чередниченко «Инновационное обеспечение конкурентоспособности как основа национальной экономической безопасности России». Автор определяет фундаментальные основы обеспечения конкурентоспособности, выявляет сложную причинно-следственную связь между инновациями и конкурентоспособностью, конструирует комплекс показателей, опираясь на который можно оценивать конкурентные преимущества и роль в них инновационной составляющей. К сожалению, автор охватывает только современный период. Между тем со дня возникновения Русского государства проблема обеспечения национальной экономической безопасности за счет инноваций всегда стояла в повестке дня и так или иначе решалась. Особенно большое внимание стало ей уделяться со времени царствования Петра I. Было бы очень интересно изучить и оценить ее эффективность во время многочисленных войн, которые приходилось вести России. На мой взгляд, глава может быть полезна историкам, прежде всего исследователям советского общества, изучающим экономическую политику государства для оценки ее эффективности.

Основные выводы, полученные авторами коллективной монографии, высказанные ими точки зрения эмпирически подкреплены и выглядят убедительными. Однако, как известно, для всего на свете можно найти доводы. Учитывая масштаб многих из затронутых проблем, невозможно не только в большей главе, но даже в большой книге охватить все существующие источники и адекватно их проанализировать. Почти всегда исследователю приходится пользоваться выборочными данными. Вследствие этого далеко не всегда возможно выявить, какие тренды, мнения, настроения и практики доминировали. В подобных случаях критический анализ существующей историографии изучаемого вопроса позволяет не только читателю, но и самому автору адекватно оценить значение проведенного им исследования. К сожалению, авторы забыли об историографии, сосредоточившись на обосновании своей точки зрения. Ни в одной главе нет оценки сделанного пред-

шественниками. Авторы как будто говорят: «Я сделал все, что смог, пусть те, кто может, сделают лучше».

В некоторых главах отсутствие историографии не играет большой роли, в других, когда в литературе высказаны различные, иногда противоположные, точки зрения, — огорчительно. Например, позиция епископата и духовенства по вопросам взаимоотношения Церкви и государства, восстановления патриаршества, свержения монархии и легитимации Временного правительства, роли Поместного собора изучалась разными исследователями и высказано несколько точек зрения. Долгое время и, вероятно, до сих пор большинство российских и зарубежных исследователей полагает, что в синодальный период РПЦ превратилась в безгласное орудие в руках светского государства, безропотно выполняя его волю, даже если это шло вразрез с ее духовным долгом и корпоративными интересами¹³. Известное недовольство Петровской церковной реформой существовало в среде иерархов, но открыто не проявлялось, и государство его игнорировало. Во время революции 1905–1907 гг. Церковь твердо и открыто выступила в поддержку монархического государства, а в 1917 г. поддержала свержение монархии только на словах: оставаясь монархистами, церковники, особенно высшие иерархи, попросту считали нецелесообразным открыто проявлять свои промонархические настроения¹⁴.

В 1985 г. американский историк Г. Фриз аргументировал альтернативную точку зрения: «Петровские реформы отнюдь не превратили Церковь в официальную бюрократическую организацию; самостоятельность Синода значительно разнилась при разных правлениях и Церковь никогда не являлась — ни в законодательном, ни в практическом, ни в духовном смысле — всего лишь министерством по делам религий... Церковь до самого 1917 г. не утратила особого статуса: статуса института, параллельного государственному аппарату, но не включенного в него... Несправедлив и другой стереотип: что рядовые приходские священники были лишь мелкими чиновниками, облаченными в рясу... Ни в 1905–1907 гг., в разгар революционных катаклизмов и беспорядков, полностью разрушивших общественный и политический порядок. Ни в 1905-м, ни в 1917 г. Церковь не выступила в качестве оплота самодержавия, хотя власти на это рассчитывали и этого требовали»¹⁵.

---

¹³ «Многие современные отечественные историки так или иначе эту концепцию (“Церковь как служанка государства” — Б. М.) разделяют» (Рогозный П. Г. Российская церковь имперского периода в новейших трудах отечественных историков. Историографический комментарий к статье Грегори Фриза «Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России» // Фриз Г. «Убительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. статей / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб., 2019. С. 45–54).

¹⁴ Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007. С. 7–41; Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 9–28; Павлов Д. Б.: 1) Русская православная церковь, государство и общество первой четверти XX века в зарубежной историографии // Российская история. 2011. № 5. С. 163–172; 2) Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений, 1917–1922 гг. М., 2011; Петров С. Г. Отношение православной российской церкви к большевикам в 1917–1918 гг. в современной историографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 31–43; Рогозный П. Г.: 1) Церковная революция 1917 года: (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 17–29; 2) Российская церковь имперского периода... С. 45–54.

¹⁵ Freeze G. L. Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered // Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 82–102 (рус. пер.: Фриз Г. Служанка государства?

«В последние годы царского правления не только радикально настроенные священники, но и самые консервативные архиереи испытывали острое недовольство самодержавием». «В институциональном смысле РПЦ яростно защищала свои прерогативы и оставалась силой, с которой приходилось считаться». Во времена думской монархии «духовенству удалось саботировать проекты», направленные на ущемление влияния и интересов церкви: о реформировании начального образования, бракоразводного законодательства, календаря, веротерпимости и церковного администрирования. В рамках конфронтации с правительством и Думой в начале 1910-х гг. Церковь создала и использовала альтернативную политическую культуру, центральным элементом которой являлась идея соборности, включавшая требование автономии Церкви и замену принципа монархического правления коллегиальностью (епископов, приходского духовенства или всех верующих, в том числе мирян). При этом аргументы в пользу соборности и демократизации, повторяли те, которые использовались в современном светском дискурсе. «К 1917 г. союз трона и алтаря распался необратимо». Не безверие, а православие и РПЦ являлись «видными факторами в революции 1917 г.». В феврале 1917 г. «среди духовенства почти не нашлось желающих его (самодержавие. — Б. М.) защищать; даже архиконсервативный Синод в самые критические часы Февральской революции отказался выпустить прокламацию в защиту монархии. К ее гибели Церковь также отнеслась без сожаления: почти все епископы, священники и прихожане поддержали новое Временное правительство, видя в нем зарю новой жизни»¹⁶.

Фриз подверг критике и традиционное для историографии представление о Поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., согласно которому решения Собора якобы остались малоизвестными среди верующих и малозначимыми для внутрицерковного управления. Он предлагает рассмотреть это церковное событие в контексте «длительного соборного процесса», который начался в 1906 г., получил большую известность и накопил огромный «интеллектуальный капитал». По его мнению, Собор 1906–1918 гг. похож на знаменитый Тридентский собор 1545–1563 гг.¹⁷

Ученый опубликовал немало исследований, посвященных доказательству этих тезисов. При этом его работы регулярно переводились на русский язык¹⁸, писали о них и рецензенты¹⁹.

Переоценка роли Церкви в императорской России // Фриз Г. «Губительное благочестие»... С. 17–44).

¹⁶ Фриз Г. «Губительное благочестие»... С. 70, 217, 218, 235, 254, 255, 263.

¹⁷ Freeze G. L. The 'Long' Church Council of 1917–1918: Institutional Crisis, Intellectual Capital // *Ostkirchliche Studien*. 2018. No. 67. P. 187–211.

¹⁸ Фриз Г. Л.: 1) Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // *История СССР*. 1991. № 2. С. 107–118; 2) Открывая заново православное прошлое // *Смена парадигм: Современная русистика*. СПб., 2007. С. 369–394; 3) Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства // *Провинциальное духовенство дореволюционной России*. Т. 3 / под ред. Т. Г. Леонтьевой. Тверь, 2008. С. 128–143; 4) Мирские нарративы о священном таинстве: брак и развод в поздней имперской России // *Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.)* / под ред. М. Долбилова, П. Рогознова. СПб., 2009. С. 122–175; 5) Война и реформы: Русская православная церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. // *Вестник Тверского государственного университета. История*. 2015. № 1. С. 90–116; 6) Понять церковь — значит понять народ // *Государство, общество, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 242–250; Freeze G. L. *Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62, вып. 1. С. 4–17.

¹⁹ Миронов Б. Н. Американский историк о русском духовном сословии // *Вопросы истории*. 1987. № 1. С. 153–158.

Точку зрения Фриза аргументированно поддержал и развил М. А. Бабкин. По его мнению, в период с начала XX в. до Февральской революции представители высшей иерархии сознательно и целеустремленно проводили работу, направленную на ограничение участия императора в церковном управлении и на его десакрализацию. В сознание паствы внедрялось представление о царе не как о духовно-харизматическом лидере народа и помазаннике Божиим, а как о простом мирянине, хотя и главе государства. С начала XX в. духовенство постепенно становилось в оппозицию к царской власти, имея твердое намерение освободиться от государственного надзора и опеки, получить возможность самоуправления и самоустроения. Освобождение отождествлялось с падением монархии. «Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, по существу, на революцию». Именно поэтому Синод немедленно после февральского переворота поддержал Временное правительство. Еще 2 марта, до отречения Николая II от престола, иерархи вели сепаратные переговоры с новой властью, обещая ей поддержку в обмен на предоставление РПЦ самоуправления. И договоренность, вероятно, была достигнута. Синод распорядился 6–8 и 18 марта заменить в богослужбных чинах поминание царской власти на поминание «Благодарного Временного правительства», и к концу марта повеление было исполнено. Тем самым был сделан выбор в пользу народовластия. В результате царская власть «оказалась преданной церковно-молитвенному забвению, уничтоженной “духовно”». Вследствие этого, по мнению Бабкина, «по сути была ликвидирована вероятность монархической альтернативы народовластию, и революция получила необратимый характер». Он полагает также, что духовенству принадлежала важная роль, а Святейшему правительствующему синоду состава зимней сессии 1916/1917 гг. «особая, одна из ведущих и определяющих ролей» не только в свержении самодержавия, но в закреплении завоеваний буржуазно-демократической революции, в признании верующими республиканского правления и в установлении на местах новой власти²⁰.

Только с июля 1917 г. социально-политическая активность духовенства стала слабеть, революционные иллюзии и энтузиазм рассеиваться, наметился поворот вправо — это происходило параллельно с институциональным кризисом в самой церкви, с ослаблением власти иерархов, с резким ростом антиклерикальных настроений в обществе, с непокорностью прихожан, отказывавшихся поддерживать церковь материально. Созванный в августе 1917 г. Поместный собор являлся попыткой преодолеть внутрицерковный кризис и защитить РПЦ. В результате восстановления патриаршества и реформирования внутрицерковного управления Церковь восстановила долгожданную автономию от государства — церковные полномочия царя и Временного правительства в области церковно-правительственного управления, охраны вероучения и контроля за церковным благочинием в полной мере возвратились к духовенству. С целью защиты духовенства от нападок антиклерикалов Собор принял специальное постановление — анафема, грозившая «дерзающим на бунт и измену» царю, была теперь адресована возводящим хулу на Православную церковь, а также посягающим на ее собственность и жизнь духовенства.

²⁰ Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии... С. 7–41, 406–412.

На Октябрьский переворот высшие органы РПЦ практически не отреагировали. Они не осудили свержение Временного правительства и не поддержали приход к власти большевиков, заняв выжидательную позицию. Только тогда, когда советская власть стала ущемлять церковные интересы, Поместный собор и Синод при поддержке рядового духовенства стали либо игнорировать ее постановления, либо им противодействовать, принимая решения обратного характера. Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. и другими аналогичными постановлениями РПЦ по своему статусу была приравнена к частным общественным организациям и союзам. Прекратились субсидии и вообще какая-либо материальная помощь от государства; ее собственность была объявлена народным достоянием. Вот тогда непротивление злу прекратилось и духовенство стало протестовать. Оно организовывало крестные ходы и публичные молебны о прекращении «воздвигнутых на Церковь Божию гонений». Но протесты не принесли желаемого результата, потому что духовенство стало беззащитным и бесправным²¹.

Несмотря на принципиальную новизну концепции «церковь — автономный субъект политики», в коллективной монографии нет ни одной ссылки на работы Фриза и есть только одна ссылка на непринципиальную статью М. А. Бабкина, посвященную наименованию церкви²². «Взгляд Фриза, конечно, “ревизионистский”, он может и должен вызывать споры. Но и считаться с мнением самого крупного историка православия необходимо», — справедливо считает П. Г. Рогозный²³. Думаю, это замечание в одинаковой степени относится и к точке зрения М. А. Бабкина, потому что Фриз и Бабкин, можно сказать, конгениальны. Между альтернативными взглядами «Церковь — служанка государства» и «Церковь — автономный субъект политики» существует множество мнений, более или менее различающихся друг от друга. И никто лучше, чем авторы коллективной монографии, не может дать критический анализ высказанных точек зрения.

А. И. Агеев также обошел стороной историографию. В написанной им интереснейшей главе «Экономика, шпионаж, война, революция» острая и длительная дискуссия о роли внешнего фактора в революции 1917 г., к сожалению, не нашла отражения. Но авторская концепция выглядит убедительной и объясняет, почему постсоветская историография по данному вопросу особенно сильно расколота. Причина в значительной степени в том, что проблема сужается до «пломбированного вагона» и «немецкого золота», а доказательства — до наличия финансовых документов и квитанций на большие суммы. Если смотреть на проблему масштабно, ставя вопрос о пресловутом золоте в широкий контекст подрывной работы немецкой разведки, то консенсус относительно важности внешнего фактора в революции достижим.

---

²¹ Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): исследования и материалы. М., 2011. С. 593–607.

²² Бабкин М. А. Устав Русской православной церкви: допустимо ли отождествление РПЦ и ПРЦ? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 108–114.

²³ Рогозный П. Г. Григори Фриз — американский историк русского православия // «Губительное благочестие»... С. 54. — Кстати, и самому П. Г. Рогозному «кажется, что Фриз несколько преувеличивает независимость Церкви в Российской империи и что вопросы канонизации в предреволюционный период не были такими уж губительными для народного благочестия» (Там же. С. 14).

Краткий анализ монографии позволяет констатировать, что коллектив подготовил интересное и полезное исследование. Его характерными особенностями являются:

- междисциплинарность как по областям научных интересов авторов, среди которых историки, экономисты, правоведы, богословы и филологи, которые смотрят на изучаемые явления под разными ракурсами, так и по содержанию;
- присутствие в книге переключки прошлого с настоящим — начала XX в. с концом XX и началом XXI в., что делает монографию остро актуальной;
- высокое качество текстов и редакционной работы (ответственные редакторы А. Н. Сахаров и В. С. Христофоров; научный редактор и автор содержательного и интересного введения И. В. Поткина);
- отличный дизайн книги и полиграфия; наличие высококачественных иллюстраций (в том числе цветных), указателя имен и даже списка замеченных опечаток, что редко встречается в отечественных монографиях;
- авторы опираются на широкий круг источников из разных архивов, еще не введенных в научный оборот и часто не опубликованных, а также на материалы личного происхождения, что позволило им предложить свежие интерпретации некоторых важных проблем отечественной истории начала XX в. и хорошо их эмпирически подкрепить.

На мой взгляд, в книге проявился тренд, присущий современной историографии, — индифферентность к истории изучения вопроса, являющегося предметом исследования. Изложение мнений предшественников остается обязательным только в диссертациях. Во многих статьях и даже книгах историография вопроса игнорируется, либо представляется крайне лаконично. Возможно, это объясняется победой идей релятивизма и плюрализма. Если знания не могут быть полными, объективными и окончательными, если абсолютной истины не существует и объективной картины мира создать невозможно в принципе, то любая точка зрения имеет право на существование и все точки зрения равноценны. Мотив докопаться до истины трансформируется в мотив презентировать свою точку зрения как можно лучше, полнее и ярче. Вместе с этим исчезает и необходимость анализировать мнения предшественников, искать свое место в ряду исследователей вопроса, оценивать степень объективности и достоверности полученных результатов (своих и других).

Если эта тенденция наберет силу, не превратит ли фундаментальный релятивизм и плюрализм историографию в хаос мнений? Не забудут ли историки о критериях настоящего научного исследования и не перестанут ли отличать хорошую работу от плохой?

References

- Babkin M. A. *The Clergymen of the Russian Orthodox Church and the Overthrowing of the Monarchy (early 20th century — end of 1917)*. Moscow, Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka Rossii Press, 2007, pp. 7–41, 406–412. (In Russian)
- Babkin M. A. *Priesthood and Kingdom (Russia, early 20th century — 1918)*. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 593–607. (In Russian)

- Babkin M. A. The Charter of the Russian Orthodox Church: Is the Identification of the Russian Orthodox Church and the Orthodox Church Possible? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 1, pp. 108–114. (In Russian)
- Freeze G. L. Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered. *Journal of Ecclesiastical History*, 1985, vol. 36, pp. 82–102.
- Freeze G. L. Globalization and Orthodoxy in Imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 1, pp. 4–17.
- Freeze G. L. The Mentality of the Parish Priest: “Opinions” on Improving the Life of the Clergy. *Provintsial'noe dukhovenstvo dorevoliutsionnoi Rossii*. Vol. 3. Ed. by T. G. Leont'evoi. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Press, 2008, pp. 128–143. (In Russian)
- Freeze G. L. Profane Narratives about a Holy Sacrament: Marriage and Divorce in Late Imperial Russia. *Pravoslaviie: konfessia, instituty, religioznost' (XVII–XX vv.)*. Eds M. Dolbilova, P. Rogoznogo. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2009, pp. 122–175. (In Russian)
- Freeze G. L. Rediscovering the Orthodox past. *Smena paradigm: Sovremennaiia rusistika*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, pp. 369–394. (In Russian)
- Freeze G. To understand the Church means to understand people. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2016, no. 4, pp. 242–250. (In Russian)
- Freeze G. “Fatal Piety”: *The Russian Church and the Fall of the Empire*. Sbornik statei. Transl. from English A. Glebovsky, M. Dolbilova, ed. by P. Rogozny. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2019, 352 p. (Epokha voim i revoliutsii, iss. 12). (In Russian)
- Freeze G. L. The ‘Long’ Church Council of 1917–1918: Institutional Crisis, Intellectual Capital. *Ostkirchliche Studien*, 2018, no. 67, pp. 187–211.
- Freeze G. L. Church, Religion and Political Culture at Sunset of the Old Regime. *Istoriia SSSR*, 1991, no. 2, pp. 107–118. (In Russian)
- Freeze G. L. War and Reform: the Russian Orthodox Church during the World War I, 1914–1917 Years. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 1. pp. 90–116. (In Russian)
- Kashevarov A. N. *The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922)*. Moscow, Krutitskogo podvor'e Press, 2005, pp. 9–28. (In Russian)
- Khramtsov A. F. *Social State: Russia and European Experience*. Moscow, ISP RAN Press, 2005. (In Russian)
- Kosarenko. N. N. *Social state. Political, legal and socio-economic factors*. Moscow, Iustitsiia Publ., 2016. (In Russian)
- Mironov B. N. American Historian on the Russian Clergy. *Voprosy istorii*. 1987, no. 1, pp. 153–158. (In Russian)
- Mironov B. N. Achievements and Failures of the Russian Economy during the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, iss. 3. 2017, pp. 463–480. (In Russian)
- Mironov B. N. Dynamics of Russian Industry and Transport in 1913–1920. *Ekonomicheskaiia istoriia*, 2017, no. 3 (38), pp. 9–30. (In Russian)
- Mironov B. N. The Revolution that Plunged Russia into a Time of Troubles and Robbed the Country of Victory. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, iss. 4, 2017, pp. 693–716. (In Russian)
- Mironov B. N. *The Russian Empire: from Tradition to Modernity*: in 3 vols. 2nd ed. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2018. 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Zhiznennyi Uroven' Rossiiskogo Prikhodskogo Pravoslavnogo Dukhovenstva v Imperskoi Rossii. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, 2015, no. 1, pp. 65–80. (In Russian)
- Pavlov D. B. *Domestic and Foreign Historiography of State-Church Relations, 1917–1922*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii humanitarnyi universitet Press, 2011, 74 p. (In Russian)
- Pavlov D. B. Russian Orthodox Church, State, and Society in the First Quarter of the Twentieth Century in Foreign Historiography. *Rossiiskaia istoriia*, 2011, no. 5, pp. 163–172. (In Russian)
- Petrov S. G. The Relation of the Russian Orthodox Church to the Bolsheviks in 1917–1918 in Modern Historiography. *St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*, 2015, iss. 3 (64), pp. 31–43. (In Russian)
- Plamper J. The Russian Orthodox Episcopate, 1721–1917: A Prosopography. *Journal of Social History*, vol. 34, no. 1, Autumn, 2000, pp. 5–34.
- Rogozny P. G. Gregory Frieze — American Historian of Russian Orthodoxy. Freeze G. “Gubitel'noe blagochestie”: *Rossiiskaia tserkov' i padenie imperii*. Sbornik statei. Transl. from English A. Glebovsky,

- M. Dolbilova, ed. by P. Rogozny. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2019, pp. 54. (In Russian)
- Rogozny P. G. The Russian Church of the Imperial Period in the Latest Works of Russian Historians. Historiographic Commentary on the Article by Gregory Frieze “Servant of the State? Reassessing the Role of the Church in Imperial Russia”. Freeze G. “*Gubitel’noe blagochestie*”: *Rossiiskaia tserkov’ i padenie imperii*. Sbornik statei. Transl. from English A. Glebovsky, M. Dolbilova, ed. by P. Rogozny. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2019, pp. 45–54. (In Russian)
- Rogoznyi P. G. *Church Revolution of 1917 (Higher Clergy of the Russian Church in Struggle for Power in Dioceses after the February Revolution)*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008, pp. 17–29. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2019 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2020 г.

Received: December 12, 2019

Accepted: March 12, 2020